

18+

УЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ

**Я ПРОЖИВАЮ УДИВИТЕЛЬНО
СТРАННУЮ ЖИЗНЬ...**

Алишер Мамасалиев

Уличные истории. Я проживаю удивительно странную жизнь...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602916

ISBN 9785449802774

Аннотация

В книгу вошли: «Три пересечения с Писателем» – блестящая новелла о трех встречах автора со всемирно известным писателем Ч. Айтматовым, рассказ вошел в шорт-лист «Open Eurasian Book forum&Literture Festival 2018». «Районовские» это увлекательное погружение в мир жизнеописания автора, выросшего как он сам повествует, из уличной шпаны. Во второй главе автор иронически передает ностальгию по своему романтическому прошлому. Рассказ «Дисгармония» – одна из последних работ автора с философским аспектом.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1 «Районовские»	9
Баха	9
На кухне	19
Участковый	21
Сын художника	28
Нур	32
Такое вот восьмое марта	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уличные истории Я проживаю удивительно странную жизнь...

Алишер Мамасалиев

© Алишер Мамасалиев, 2021

ISBN 978-5-4498-0277-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это книга своего рода дань уважения моему поколению, людям, которые росли вместе со мной на закате советской империи, в маленьком и уютном городе Фрунзе и затем, переступив через порог своего отрочества, вкусили сполна болезненные последствия развала СССР.

Эти рассказы написаны мною через призму юношеского романтизма и неписанных законов Улицы где я имел счастье вырасти, не претендующие на объективность, ведь объективность это иллюзия.

Рассказы эти писались мною в разное время и при разных обстоятельствах. Бывало так, что я годами не писал и тогда они хранились в разных файлах моего компьютера впоследствии ставшие свидетельством нашего существования – всех тех, кого называют представителями «потерянного поколения». Я расскажу вам о том времени, когда мы переходили из подросткового возраста в осознанную взрослую жизнь. Ведь согласитесь, о нашем поколении выросших с периода конца 80-х и начало 90-х годов написано очень мало.

К сожалению многих с кем я вырос «шальные девяностые» жестоко сломали, других кто не принял новых правил игры, просто выбросили за борт активной жизни и лишь немногие из моих сверстников смогли найти себя и саморе-

ализоваться.

Девяностые ставшие для многих переломными, практически затмили и стерли с нашей памяти восьмидесятые, а ведь для многих из нас они были самым счастливым периодом жизни. Чтобы окончательно не забыть о них, я повествую вам эти незамысловатые истории, в них моя ностальгия по тем ушедшим дням.

Само название книги «Уличные истории» я думаю говорит само за себя, это сборник коротких новелл, которые описывают то время когда еще не было ни мобильных телефонов, ни интернета и мы общались между собой вживую на улице и во дворах панельных квадратов. Первое знакомство с мобильной связью у нашего поколения произойдет только в 1996 году, когда у столичной молодежи в обиходе появятся уже сегодня позабытые всеми пейджеры, поскольку сотовая связь тогда еще стоила очень дорого. А в середине 90-х пейджер как атрибут успешного молодого человека был еще удобен тем, что он был недорогим и его всегда можно было оставить в залог у бармена если, в портмоне оставалось «капусты» только на «мотор». А мобильный телефон, которые сейчас практически есть у каждого, как массовый продукт в Кыргызстане станет доступным только ближе к 2004-му году..., впрочем, я немного отвлекся.

В общем эта книга о нас... о потерянном поколении,

немного о родном Фрунзе, и о том как мы все росли и жили.

В первую главу «Районовские» вошли мои самые ранние работы, они навеяны влиянием уличной субкультуры 90-х годов. Вторая глава книги как это ни странно посвящена юношескому романтизму, ведь мы тоже любили... а в третьей главе, я предлагаю своим читателям познакомиться с моими конкурсными работами – «Три пересечения с Писателем» и «Дисгармония».

Я не лщу себя надеждой сравниться в умении излагать на бумаге свои мысли с теми, кто потратил всю свою жизнь в сочинительстве и литературе. Не исключено, что вы найдете в ней изъяны... Примите эту книгу как мой очередной эксперимент, такая вот своеобразная игра со временем, как путешествие в еще недалекое прошлое, которое все больше становится размытым.

Не пренебрегай, мой дорогой читатель своими первыми впечатлениями... если нужно прервись, отложи на время в сторонку книгу, но потом прочти все до конца... и если слова на стене – «Цой жив!», возвращают тебя подсознательно на мгновенье в прошлое, значит это книга для тебя...

Глава 1 «Районовские»

Баха

В добрые, союзные времена наш небольшой город, согласно энциклопедии СССР, считался культурно-промышленным центром, в нем действительно было немало достопримечательностей: театры, музеи, много парков и крупных предприятий.

Где-то, в начале 80-х годов в разных частях окраин Фрунзе начали появляться новые микрорайоны, и молодые советские ячейки общества, ютившиеся до этого в общежитиях и тесных коммуналках, массово стали расселяться в просторные, панельные квартиры. Эти новые кварталы пахли горным воздухом, еще невысохшей краской и уложенным накануне асфальтом. В основном это были однотипные, серые девятиэтажки выстроенные как спичечные коробки в незамысловатые геометрические фигуры. В этих бетонных коробках потом появятся зеленые дворы с детскими площадками и вездесущей детворой. Так постепенно из года в год город Фрунзе рос вширь и на его карте появлялись новые микрорайоны с незамысловатыми названиями: Восток-5, Асанбай, Тунгуч, Джал, Аламедин и др.

Но были в нашем городе и другие «районы», их очертания вы не увидите на карте столицы, нет их и в туристических путеводителях, о них даже не знали и большинство самих столичных горожан, лишь в особой картотеке ГУВД красным фломастером обведены их нечеткие границы, на страже которых хотя и не стоят зеленые фуражки пограничников, но и тут чужаку не дадут незаметно пройти.

Названия этих «районов» были на слуху у постоянных обитателей школьных спортплощадок и многочисленных дворов, спрятанных в квадратах панельных домов. Некоторые из этих «районов», как, например, «Кузнечка», «Держинка», «Карпинка», «Шанхай», «Ботаника», берут свое начало еще с шестидесятых годов. В этих «районах» росли наши отцы и старшие братья... и «старшаки»* в кругу нам рассказывали легенды, когда «районы» эти гремели на всю столицу... это «районы», где рулила уличная шпана, пацанские районы города, которые когда-то делили Фрунзе на отдельные анклавы и территории.

До начала девяностых среди городской молодежи это деление на «районы» было четко регламентировано: любой пацан, начиная с десятилетнего подростка, заканчивая студентом вуза, четко имел представление – из какого он «района», знал имена местных авторитетов, с каким «районом» его «район» имеет «терки», а с каким в «шоколаде». Это нужно было знать хотя бы для личной безопасности, чтобы ненароком, в ночное время не оказаться одному на «вра-

жеской территории». И это не было сугубо нашей какой-то особой спецификой, практически все промышленные центры СССР в то время имели такую молодежную тенденцию, которая в начале 80-х годов стала приобретать массовый характер, и в таких городах, как Казань, Алма-ата, Набережные Челны, Люберцы эта формирующаяся молодежная субкультура нередко становилась угрозой общественной безопасности.

В мою пацанскую бытность (1984—1991 гг.), когда я еще шпаной ходил по чужим дворам, часто приходилось пересекаться по разным поводам со сверстниками из других районов как: – «Токольдощ, Жилой, Забайкалье, Турусбечка, Бостон» и другие. Каждый такой «район» имел свою «толпу», своих авторитетов и «торпед». В то время, мы не делились на нации, нас разделало и объединяло одновременно только одно – это был «район»... и если ты рос на улице, чтил его традиции и неписанные законы, со временем ты становился своим – «районовским», со всеми вытекающими отсюда последствиями... Во дворах, в школе и районе уличные пацаны познавали первые, суровые уроки жизни. В постоянной борьбе за первенство среди своих сверстников, зарождались локальные лидеры чей статус впоследствии подвергался серьезным испытаниям. Эти испытания порой походили на публичный бой римских гладиаторов, где под восторженные крики местной братвы в центре круга пацаны бились раз

на раз...

Пройдя все этапы уличного воспитания, от школьных разборок до вылазок «район на район», неудивительно, что среди твоих друзей всегда найдется пара тройка личностей из около криминального мира, которые еще в бытность своей отчаянной юности, ломали свои фаланги в драках, впоследствии достигая на своем поприще особого авторитета. Они напоминают мне бойцовских псов, их жизнь полна адреналина, они не живут, они словно горят как зажженная спичка, и, к сожалению, быстро тлеют. Такие до тридцати лет редко доживают, погибая в самом расцвете своих сил в постоянных разборках, либо осужденные судом отбывают свой срок или уходят в кумаре, в мир иной от передозировки героином... и впоследствии оставшиеся в живых единицы, как правило, уходят с головой в религию. Это «герои» моего времени, так называемые альфа самцы, уходящие ныне в небытие как исчезающий вид человека, поскольку в современном обществе рулят те, кто были всегда на втором плане и терпеливо ждали своего часа...

Почему я об этом пишу? Дело в том, что сегодня я был на похоронах у одного такого старого друга, который всегда удивлял меня своей одержимостью и бесстрашием, он был как пень неказист, маленького роста, с бычьей шеей, весь взбитый и беспощадный к своим врагам. Не знаю, любил ли

он «баклан»*, но в школе Баха дрался всегда... он не был силен как буйвол или ловок как пантера, но он был честолюбив и одержим «ответкой»*. Его не раз побеждали в драках, но он неистово, зализывая свои очередные раны, требовал от победителя реванша. В конце концов к восьмому классу все, кто знал его бешеный нрав, старались с Бахой не связываться, оправдываясь тем, что он псих.

После восьмого класса он ушел из школы, и виделись мы с ним реже. Я знал от пацанов, что он временами ходит по соседним школам в поисках очередной жертвы... в то время, если вы помните, среди уличной молодежи было распространено такое явление, как «взять потаскать понравившуюся одежду или обувь», хотя это был обыкновенный грабеж. Вы не подумайте, он не был прирожденным преступником, нет, в начале это был обыкновенный шпана, переросший в уличного бродягу, а затем и в бандита. Порой мне кажется он просто не знал, куда применить свою волю и необузданную энергию. Попади он тогда в руки опытному тренеру я уверен, что он мог бы стать чемпионом. Баха презирал трусов, был одиночкой и уважал тех, кто имел дух, и мог постоять за себя. В войну именно такие люди становились героями, способными без страха лечь под танк, держа, в руках боевую гранату, и первыми ринуться на врага в рукопашный бой.

После школы я ушел, в армию, потом был университет,

и мы с ним не виделись, наверное, лет семь или восемь. Иногда заезжая на «район» я слышал о Бахе краем уха. Новые рыночные отношения внесли свои коррективы и многие из тех, кто раньше при виде его силуэта в темном переулке поворачивали вспять, теперь с иронией замечали, что он «сидит на зоне»*. Признаться, я не был удивлен такому раскладу, поскольку не представлял его, к примеру, возвращающимся вечером после работы домой, где он после ужина, сидя на диване, смотрел бы с детьми программу «Поле чудес». Он был совсем другим, у нас про таких говорили: – он всю дорогу был бродягой...

А встретились мы с ним случайно в 2001-м году в одном из местных кафе, где мы с друзьями отмечали день рождения. Признаться, я не сразу узнал его, он был налысо бритый и немного исхудавшим, и первая моя мысль была – наверное, «колется»*, но взгляд его остался таким же, как и прежде: – дерзким и пронизывающим, как у старого монгольского кочевника, собирающего дань за двенадцать лет. Его карие глаза были очень живыми и реагирующими на малейшее движение в поле его зрения, казалось, что он ждет кого-то. Потом мы пару раз случайно пересекались на улице, и так произошло, что мне потребовалась его помощь.

У моего близкого друга в 2004 году какие-то отморозки забрали дорогую машину. Истинную причину произошед-

шего он мне толком так и не объяснил, сказав только, что нагло забрали за какие-то там несуществующие долги. Самостоятельно следов этих людей нам найти не удалось, и тогда я решил обратиться к своему «районовскому» другу. Так вот, мне пришлось потратить достаточно времени, чтобы найти его. В итоге после нашего с ним двухчасового разговора, во время которого он несколько раз звонил при мне каким-то людям, через четверо суток белый внедорожник, направляющийся уже к тому времени к границе Таджикистана, другу возвратили, но хозяину авто пришлось отдать курьерам около пяти тысяч долларов, чему он был не подетски рад.

Второй раз я пересекся с ним уже в 2006-м году, когда мы с «Кел-Кел»* и Эдилом Байсаловым* организовали митинг «Против криминала!». Наверное, стоит напомнить, что после так называемой «мартовской революции» (2005г.) небезызвестный криминальный авторитет Рыспек Акматбаев провел дерзкий авто марш-бросок из Чолпон-Аты до Бишкека. После чего Рыспек с тысячами своих сторонников, собравшихся у «Белого дома», потребовал, чтобы президент Курманбек Бакиев вышел к ним, и президенту страны пришлось выйти к людям, это еще было показано по всем телеканалам. В общем, все, кто это видел, тогда были в легком шоке от происходящего в городе. Так вот, после того как мы организовали это шествие, а там было при-

мерно пять тысяч человек, в наш адрес стали поступать угрозы. Мы тогда с участниками митинга прошлись от «Южных ворот»* до «Белого дома»*, и главным лозунгом шествия был – «Криминал рвется к власти!».

Не прошло и месяца после этого, как на Эдиля было совершено нападение (неизвестный человек сзади ударил его чем-то по голове), Эдиля положили в больницу. Мне стало еще тревожнее после телефонного звонка: мне позвонил тот самый школьный друг и предупредил, что меня ищут ребята одного очень авторитетного человека и хотят задать мне пару вопросов касательно прошедшего митинга. У меня было немного времени, чтобы выехать из Бишкека, и теперь я могу об этом открыто говорить, что Баха сам лично вывез меня на дачу, где я пробыл чуть больше недели. Каждые два дня его братишка на вишневой «девятке» привозил мне в пакетах еду, и это была реально такая конспиративная хата с зашторенными окнами и редкими прогулками во дворе.

Уже после передела сфер влияния в криминальном мире (2007—2008 гг.), когда Бишкек почти через день сотрясся от криминальных разборок, Баха был вынужден сам уехать в Арабские Эмираты. Потом, как я слышал, он пытался легализоваться в соседнем Казахстане, где у него остались жена, две дочки и автомастерская, а в 2011-м году в пригороде Алма-Аты во время перестрелки он получил огнестрельное ранение. Подробности его ранения никто толком из «районов-

ских» не знали, супруга его не смогла приехать на похороны, а у его родственников детали случившегося я не стал уточнять. Сказали только, что ему в Алма-Ате сделали сложную операцию, но в итоге 11 апреля, в реанимации, не приходя в сознание, он скончался. А накануне родственники привезли его тело на родину, и сегодня он был скромно похоронен...

Я не хочу идеализировать своего друга, признаться мои родители осуждали его... но, он жил по своим законам, нам неведомым... я не упрекал его никогда, но и он знал, что многие его понятия для меня неприемлемы.

Хотя мы и были с Бахой разными по своему содержанию и отношению к жизни, но по нашим базовым ценностям мы были с ним идентичны, потому что оба вышли из одного котла, из улицы... и сегодня с той самой улицы, где мы росли, мы провожали его в последний путь...

(2011 г.)

P.S. Прошло какое-то время и я стал чувствовать внутри себя какой-то осадок, как будто что-то недосказал... очевидно, это было сожаление о том, что я так и не встретился с Бахой, хотя мог бы. Почему-то я не звонил ему просто, так, по братски, не приглашал на день рождения, ни на сва-

дью, только тогда когда у меня возникала серьезная проблема и мне уже никто не мог помочь, я набирал Бахин номер. Я не раз бывал в Алма-Ате по делам и в принципе, если бы сильно хотел, то, конечно, смог бы его найти... уверен, он был бы рад меня видеть.

Посвящается всем «районовским» пацанам, выросших на задворках улиц городов...

**стариаки – пацаны переступивших 18 летний порог*

баклан – драка

сидит – находится в местах лишения свободы

колется – употребляет наркотики

Кел-Кел – молодежное движение принимавшее активное участие в свержении режима президента Аскара Акаева 24 марта 2005 года.

Э. Байсалов – известный общественный деятель

Южные ворота – южная граница города Бишкек

Белый дом – здание администрации президента КР

быть в шоколаде – обозначает быть в хороших отношениях.

ответка – ответные реакция на действия противника.

На кухне

Когда после дружеского застолья гости уже почти разошлись и хозяйка убрав все со стола, идет укладывать детей спать, на кухне обычно остаются двое, чтобы допить остатки спиртного и поговорить вдвоем по душам, один из них это я...

Давеча был в гостях у старого друга, братишки, с которым в бурной молодости вместе прошли огонь и воду... потом пути наши разошлись, и встречаемся мы ныне больше на тоях* или похоронах. Сам он работает сейчас в пожарной службе, а до этого где он только не работал, но задерживался везде недолго по причине своей импульсивности и «похуизма».

Так вот, раз в год, обычно по осени, бывает, сидим у него на кухне, водку пьем с соленными огурцами и жареной картошкой, вспоминаем былые приколы и говорим помногу и ни о чем. Вот и в этот раз был у него своеобразный юбилей, «сороковник» стукнуло, а сорок лет, как правило, не отмечают у нас, но он такой, без предрассудков, позвонил, что-то пробурчал в трубку и в конце: «Короче, жду брат, к шести подгребай, будут все свои и пара коллег...». Зайти и поздравить друга, сказать старому корешу пару теплых слов – это у нас «в обяз», надо в общем.

Пришел на пару часов позже, шум из 5-й квартиры на втором этаже слышался уже в подъезде... зашел тихо, без стука... куча мужской обуви в прихожей, кто-то на кухне сидел, что-то резал в сигаретном дыму, а в зале оживленная мужская дискуссия, и салаты на столе уже разрушены... где-то через час под аккорды негромко звучащего из старых колонок «КИНО», я уже всех «догнал»*, и мы до двенадцати ночи говорили друг другу длинные тосты и долго не отпускали тех, кто хотел уйти, и ржали как дикие кони, мешая соседям снизу.

Как же это, блин, приятно иногда собираться со старыми друзьями у кого-нибудь дома, так, по-свойски – как и раньше, без суеты, официантов и лишней публики.

(2006г.)

**той – торжество*

догнал – дошел до соответствующей кондиции опьянения

Участковый

После окончания школы, в 91-м году, моё дальнейшее поступление в вуз выглядело делом бесперспективным, родители не настаивали и я решил до осени пока не утруждаться мыслями о своем будущем.

Практически большую часть своего времени я проводил на улице, убивая время в игре в карты, а вечерами мы толпой ходили на дискотеку. Летом это был парк «Панфилова» летняя танцплощадка, которой была разделена между «районами», а зимой по субботам мы собирались на танцах в «Доме офицеров» (сейчас это Славянский университет), там даже одно время гардеробная работала пока оттуда не сперли две кожаные куртки, и после все складывали свою верхнюю одежду в центре своего круга.

Но однажды случилось так, что я, не дожидаясь своего восемнадцатилетия, пошел в военкомат и попросился в армию. Мама, конечно, была в шоке, все вокруг в недоумении, типа – а, что вдруг? Но на то были объективные причины.

Вечером в актовом зале военкомата собрали нас, призывников 73-го года рождения, и каждому на руки под подпись выдали соответствующие повестки: Мамасалиеву Алишеру явиться в такое-то время, к такому-то числу, в военкомат Свердловского района и загадочная надпись в углу черными чернилами **«Команда 20А»**. И дело тут не, в патриотиче-

ском желании послужить Родине, а в обыкновенной, как это бывает по молодости, да по дурости, групповой драке между пацанами из разных районов, в столичном парке «Панфилова», вследствие, чего на больничной койке оказались двое наших сверстников, один из которых, оказался сыном партийной «шишки».

На второй день после «баклана»*, пацанов из района стали по одному таскать в милицию, и мы стали решать, как себя вести в случае допроса.

Наш участковый, узнав, что я внезапно собрался в армию, позвонил мне на домашний и вызвал к девяти утра к себе, писать объяснительную. Это был 38-ми летний, рано начавший лысеть, поэтому всегда постриженный под ноль, плотный как молодой бычок, бывший опер* Эрлан Байгазиев. Он был небольшого роста, коренастый и вечно хмурый, даже шутки его были с каким-то фатальным смыслом. От скандального увольнения из органов МВД по статье «за превышение должностных полномочий» его спасли только былые заслуги в «Угро»*, и вот уже как полтора года он каждое утро приходил в полуподвал девятиэтажки, где в трех комнатах с низкими потолками располагалось отделение милиции. Сначала он меня заставил ждать битый час в коридоре, так они всегда делали, а потом из кабинета послышался его хрипловатый голос: «Заходи, как тебя там?». Я старался не показывать своего волнения, изобразив что-то вроде безразличия, а на левой щеке предательски сияла ссадина.

«Да-а, попали вы конкретно на этот раз...», саркастически протянул он и повернулся лицом к зарешеченному окну, как будто там висела инструкция, указывающая, как ему поступить со мной. – Садись, давай пиши, как все было...

Он сказал это таким тоном, как будто у него в папке уже лежали неоспоримые доказательства того, что реально произошло накануне вечером в парке «Панфилова». Мне нужно было сесть к нему слева, чтобы он не видел мою правую кисть. Хотя, кого я хотел перехитрить? Таких, как я, он щелкал как семечки... нам рассказывали, как у себя в «Угро» он раскрывал «висяки»* и таскал в ментовскую «черных»*, а в этот раз наших пацанов он тормозил только из-за того, что ему звонили из горисполкома и настойчиво требовали найти зачинщиков группой драки.

Он был вынужден просиживать в этом кабинете свои потертые штаны в ожидании перевода в ГУВД, и вся эта бумажная волокита с регистрацией нарушений общественного порядка и возня с уличной шпаной вызывала у него нескрываемое уныние. В его двухкомнатной квартире, доставшейся ему от матери, кроме жены, подрабатывающей на рынке, на его шее еще сидели 21-летний сын студент и дочка, заканчивающая школу. Поэтому даже в выходные дни, не желая оставаться дома, он коротал время в этом кабинете, играя с дежурным сотрудником в нарды. А временами на него что-то находило, и он, словно сорвавшийся с цепи волкодав, ходил по дворам, рыская по подвалам в надежде «найти на жо-

пу приключений». Очевидно таким людям как он периодически требовался адреналин.

Он смотрел на меня почти безразлично, и, кажется, его больше беспокоила портящаяся за окном погода, нежели содержание моей объяснительной. Вырвав листок у меня из-под рук, он положил ее в папку и, закрыв лязгая ключами, старый покрашенный в белый цвет сейф, почти по «Жегловски» произнес: «Короче, фраерок, слушай сюда, – он нас всех так называл, вообще, половину его лексикона составляла «блатная феня» и, если бы не его капитанские погоны, он вполне мог сойти за бандита. – Если до 10-го успеешь свалить, тогда считай, что тебе повезло, а пока свободен... от-вернувшись к окну он потерял ко мне интерес.

Недолго думая, я организовал небольшие проводы для «районовских» и тихо улетел с осенним призывом служить в Забайкальский военный округ, город Читу. Не нужно, наверное, описывать, как год казарменной жизни, в дали от дома, изменили меня и моё мировоззрение. Это совсем другая, не менее захватывающая история, о которой обязательно я поведаю вам позже.

Так вот, когда я уже вернулся в Бишкек, нашего «блатного» участкового уже не было, вместо него с папкой на боку по району бегал молодой «старлей», только, что окончивший академию МВД. А как окончательно развалился Союз, так вместе с ним изменилось все, что нас окружало. Улица ставшая для многих из нас второй школой, стала местом коммер-

ческой торговли, а некогда родной район заполонили совсем чужие лица, так постепенно мой город превратился в общежитие.

Иногда, по случаю, вспоминая с друзьями наши былые похождения, мы вспоминаем добрым словом и нашего дерзкого участкового. Пусть и вредный был мужик этот капитан, но не было такого, чтобы он «шакалил»*... до всех на районе докапывался, если кто-то «дизилил»* закрывал на сутки в «обезьянник»*, но никого из наших никогда не подставлял, а времена тогда были смутные, начало 90-х, вокруг то черные «беспределили»*, то красные «постановили»*...

А сегодня встретил его случайно на вулканизации, почти двадцать лет прошло с тех пор. Смотрю – стоит передо мной Эрик байке, «аудишку» свою «бортует»*, уже лысый совсем, новые морщины на лице, чуть осунулся, и спрашивает меня про пацанов, кто где, чем занимаются, как будто это было в прошлом году, не забыл оказывается, почти всех помнит по именам... Рассказал он мне, что вышел на пенсию майором, живет теперь в пригороде, ведет свое небольшое хозяйство и что иногда «таксует» в городе. – «Вот ведь жизнь какая штука, обратился он ко мне, – сколько лет я за бандитами бегал, а родного сына не уберег от тюрьмы, сидит сейчас за мошенничество, спасибо Всевышнему, дочка вот помогает нам со старухой...».

Обменялись номерами телефонов... «Ты, — говорит, — у меня в долгу остался, Алишер, помнишь?..». Уже проща-

сь, не отпуская мою руку, произнес он. «Помню, Эрик байке, конечно...». «Да ладно, это я так, реакцию твою хотел проверить...», – похлопав меня по плечу, он сел в машину и уехал.

Еду потом домой и думаю: а задержи он меня тогда, да же просто до выяснения всех обстоятельств, и не убеги я тогда на Байкал, где неожиданно осознал истинную ценность многих казавшихся мне тогда обыденных вещей, интересно, как бы тогда сложилась моя жизнь?..

Были раньше нормальные менты, надеюсь и сейчас есть.

(2014г.)

**опер – оперуполномоченный сотрудник МВД*

Угро – уголовный розыск.

висяки – трудно раскрываемые уголовные дела.

черные – представители криминального мира.

шакалить – поступать подло, строить интриги и тд.

дизилить – вести себя вызывающе, хулиганить и тд.

беспредель – действия не подпадающие здравому смыслу,

обезьяник – камеры временного содержания в РОВД

постановить – заранее спланированные незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, от сло-

ва – постановка.

бортует – меняет шины на автомобиле.

Сын художника

Сегодня утром случайно встретил своего старого приятеля Сагына. Уже не помню, как он влился в нашу компанию, но точно помню, что однажды я очутился в необычном помещении с завешенным желтой от времени простыней окном, где пахло маслянными красками, на паркетном полу, стопками прислонившиеся к стене, стояли картины без рамок, и эти кружки из-под майонеза с торчащими кисточками.

Сагын был сыном известного художника, в мастерской которого в студенческие годы иногда, чаще всего зимой, мы с пацанами собирались погреться. В годы моей молодости особо не было мест, куда можно было пойти, а зимой тем более когда на улице «дубак»*, любое помещение с отоплением для нас воспринималось как апартаменты. Не сказать, что мы часто там бывали, но по мере необходимости мы просили Сагына взять на вечер ключи от мастерской.

Чаще всего мы резались там в карты, иногда приглашали девчонок или, скинувшись, отправляли кого-нибудь на «Карпинку» за бормотухой*... Сагын был не похож на нас, выросших из дворовой шпаны, ни внешностью, ни своим содержанием, но его почему-то тянуло к нам. Очевидно через нас он хотел компенсировать свои пробелы пацанской, дворовой жизни. Мы же наоборот, приняли его как раз за его неординарность и отсутствие понтов, хотя у него было

чем понтоваться перед нами. Он с легкостью играл на клавишах Баха и на гитаре «лабал Битлов», знал английский и мог часами рассказывать о картинах великих художников импрессионистов, хотя до них нам было по барабану.

Мне импонировало в нем то, что он был не, таким как все... очень раним как ребенок, мог обидеться на когонибудь демонстративно и не разговаривать месяцами. Была в нем какая-то наивность и в тот же момент чувствовался какой-то стержень. Мы часто подшучивали над Сагыном, так, по-доброму, и могли вместе посмеяться над каким-нибудь его промахом например при общении с девушкой случайно оказавшейся в нашей компании.

Часто бывало, что, он немного захмелев, устраивался где-нибудь на подоконнике и с интересом наблюдал за нами, будто старался запечатлеть что-то в своей памяти. Он был сыном своего отца и в его венах текла кровь художника, он видел все происходящее вокруг через призму творца. Сагын редко нас рисовал. Кому-то он дарил скупые зарисовки сделанные простым карандашом, что-то оставлял себе, а иногда он просто игнорировал нас, не отвечая на звонки или обходя нас стороной, и мы тогда гадали, кто или что могло его на этот раз обидеть.

Потом неожиданно раздавался телефонный звонок и кто-нибудь из друзей «кричал»*, что сегодня вечером все собираемся у Сагына. И тогда мы снова сидели в мастерской как ни в чем не бывало, слушали старые записи, и пили «Жигу-

левское». А затем как-то Сагын пропал совсем, я потерял его из виду, и мы современен только иногда вспоминали о нем и о том, как проводили время в мастерской.

Это удивительное чувство, когда неожиданно встречаешься через много лет со старым приятелем. Навряд ли он считал меня своим другом, но я точно помню, что мы тянулись друг к другу. Мне нравилось в нем то, чего во мне тогда не было, и наоборот, очевидно он во мне узнавал те качества, которые ему были несвойственны. Признаться, подозревая об этом, я был к нему иногда снисходительным...

Прошло много лет с тех пор и я был искренне рад снова увидеть его лицо, он выглядел элегантно, если бы он вытащил из пиджака курительную трубку и закурил это было бы гармонично, но это был тот самый Сагын, сын художника.

В наше время очень редко можно встретиться с реально одержимыми людьми, живущими не по общепринятым правилам, я бы даже сказал, чудаками со своим миропониманием. Истинные художники, наверное, и должны быть такими, немного отчужденными от реальности бытия...

После дежурных приветственных фраз, я узнал, что у него собственная, художественная галерея в Алма-ате и вообще было видно, что он доволен судьбой. Мы вспомнили мастерскую его отца, а потом он выдержал паузу и спросил меня многозначительно: «А помнишь, как мы всей толпой сорвались в Алма-Ату?». «Да-а, конечно, помню, как такое забу-

дешь», – ответил я. Он так посмотрел на меня понимающе, с узнаваемой улыбкой, как будто я забыл его имя, но типа ничего страшного... потом я еще, что-то говорил ему, сейчас уже не помню что именно, но попрощались мы как-то на обрывке разговора. Пожали друг другу руки, даже не обменявшись номерами телефонов и он ушёл своей дорогой... а я поехал по Токтогула*.

А потом я несколько дней гадал, выворачивая воспоминания из своей памяти, что он своим ироничным вопросом хотел мне сказать?.. Припоминаю, что, что-то тогда во время той нашей спонтанной поездки в Алма-Ату произошло, чему я мог не придать значения... кажется даже, после этого мы больше в мастерской и не собирались.

(2004г.)

**дубак – очень холодно*

бормотуха – дешевое крепленное вино

кричать – в молодежном сленге значить сообщать, говорить

Токтогула – улица им. Токтогула Сатылганова

Нур

В одно время я стал реже писать, придерживаясь известного постулата «Если можешь не писать – не пиши», но иногда внутри тебя «заполняется стакан до краев» и чтобы не взорваться, я начинаю снова стучать пальцами по клавиатуре своего нотника.

Словно с подзорной трубой я со стороны слежу за теми с кем мне доводилось пересекаться вплотную, и иногда пишу о них...

В детстве у меня был друг, даже не друг, а как старший товарищ. Нур был старше меня на два года, когда тебе восемь лет, а соседскому мальчику десять он для тебя уже авторитет.

Нур раз в год приезжал на каникулы к своим родителям из Рыбачьего*, и все время, что он гостил во Фрунзе я старался быть рядом с ним. Нур чем-то напоминал мне героя из моего любимого фильма «Кортик». Он был высок ростом, держался всегда независимо, по-мальчишески иронизировал и никогда не злоупотреблял своим непререкаемым для меня авторитетом. Нашими героями тогда были персонажи из советских телевизионных детективов, гдеследователь уголовного розыска неустанно преследовал какого-ни-

будь жулика. Стараясь походить на своих кумиров, мы с Нуром выходили на улицу, держа в руках допотопный фотоаппарат и детский компас, выбирали для нашего «расследования» кого-нибудь из прохожих. Стоило нам только определить для себя объект слежки, и мы начинали его преследовать буквально по пятам. Это было так увлекательно, что порой мы, забываясь, уезжали вместе нашей «жертвой» на каком-нибудь рейсовом автобусе на другой конец города. Поочередно вставая у объекта нашего преследования за спиной, затем спереди мы старались запомнить черты его лица и детали одежды. Затем уже вконец измотанные мы возвращаясь во двор увлеченно обсуждая, дальнейшие наши действия на завтра.

Нур много фотографировал, не знаю, была ли внутри его фотоаппарата пленка, но я не видел ни одной его фотографии, впрочем, тогда меня это мало волновало. Дворовые друзья на меня косо поглядывали, поскольку пока Нур не уезжал обратно к своей тайэне*, где он и воспитывался, я все время проводил только с ним. Он учил меня играть в шахматы, стрелять из пневматической винтовки, рассказывал увлекательно про рыбалку и иногда мы просто ходили вместе в кино. Так продолжалось кажется до пятого класса, пока родители Нура не переехали в новую квартиру и я уже слышал о нем изредка только от своей мамы, поскольку наши родители работали в одном коллективе.

Со временем мы повзрослели и нас раскидало в разные стороны... и как-то мама попросила меня отвезти ее к своей коллеги по случаю покупки ими дома в пригороде Бишкека, это была мама Нура. Мне тогда уже было чуть больше двадцати, по пути я стал расспрашивать маму о Нуре, и из ее короткого рассказа я узнал, что он увлекается культуризмом (тогда в начале 90-х годов многие этим увлекались), не курит и не пьет и что он уже несколько раз подавал документы для работы в КГНБ*. Я ехал и думал: – интересно как он сейчас выглядит и как мы встретимся сейчас с ним через столько лет... надо было одеться попримечней с досадой подумал я.

Когда мы вошли в дом и поздоровались со всеми гостями, мама неожиданно спросила хозяев: «Нур дома, Алишер хочет с ним поздороваться...», и мне указали на дверь временки из окна которой горел желтый свет, была кажется тогда середина осени.

В центре почти пустой комнаты сидели засучив рукава двое молодых мужчин и чистили морковь. Было видно, что Нур «качается», широкие плечи, мускулистые руки с выделяющимися венами говорили сами за себя. Я в деталях помню ту нашу встречу, поскольку перематывал в голове этот эпизод несколько десятков раз.

Когда я вошел во внутрь, на лице Нура было искреннее удивление. «О, Алишер... как дела, братишка?» – это были его первые слова, он положил на стол нож и, как бы привставая, протянул мне ладонь так, чтобы я не испачкался, и я

пожал его жилистую кисть. «Ты что, маму привез? А, молодец!». Я сел рядом и стал расспрашивать его, что и как, но ответы его были очень короткими, я начал вспоминать про наше детство, но и тут он сделал вид, что не помнит уже ничего, было такое ощущение, что ему перед своим приятелем немного неудобно. Не зная, что еще сказать, я закурил, Нур посмотрел на меня слегка озадаченный – «Братишка, бросай курить, займись спортом, надо быть всегда на старте, вдруг кипиш* какой...». Ты прав, почти оправдываясь ответил я, нужно спортом заняться... Но я признаться, был расстроен совсем другим... если честно, я ожидал совсем другой встречи со своим другом детства. Я начал злиться на себя... к черту мою сентиментальность, очередной раз я упрекнул себя тогда, этот мир циничен... еще немного послушав затянувшиеся нравоучения двух «качков», я стал искать повод, чтобы поскорее уехать.

Прошло еще несколько лет, я знал из рассказов мамы, что Нур так и не смог устроиться на работу в силовые структуры, а о другой работе он и слышать не хотел. Потом говорили, что он женился на девушке из хорошей семьи и у них родились две дочери, что живут они вместе с ее родителями, а сам он иногда занимается перепродажей товаров. С начала 2000-х я уже все реже слышал и не интересовался судьбой Нура.

Где-то в 2006-м году я неожиданно встретил Нура у рынка Ак-Эмир, сначала я подумал, что обознался, это был высокий исхудавший мужчина, было видно, что он злоупотребля-

ет спиртным и пьет уже не первый день, он шел мимо, и мы даже, кажется, пересеклись взглядами. Я рассказал об этом своей маме, она тогда поведала мне, что сама видела Нура несколько раз с бомжами и просящего милостыню, сидя на краю тротуара. Я был в легком шоке... Также я узнал, что он давно уже развелся и жена его уехала из Кыргызстана, а он просто ушел из дома и стал жить на улице как бомж. При том, что у него была крыша над головой, родители живы и, и он мог бы жить и работать как все нормальные люди. Что произошло с ним – мне мама так и не смогла ничего объяснить, только сказала, что все его родственники знают об этом, но ничего с этим поделать не могут. Я был в растерянности, и не мог понять, как может человек просто взять и уйти жить на улице? Я пытался через знакомых выяснить причины такого кардинального изменения поведения человека, но так и не смог найти объяснения его поступку.

Может с ним произошло что-то трагическое, что сломало его изнутри полностью, от чего он не смог восстановиться?.. или, это обыкновенный алкоголизм? Не знаю... У меня на тот момент почему-то не было никакого желания найти его и поговорить с ним, я посчитал это слабостью и думал, каково же его близким знать и даже видеть, что – твой сын, родной брат, близкий друг, вот так бомжует в центре города. Уверен, что это было и остается реальной трагедией для всех членов его семьи.

В другой раз я с ним встретился уже в 2013 году у входа

в «Детский мир», что на проспекте Чуй, куда приехал с семьей. Он сидел один на скамейке, на асфальте лежала пустая коробка из-под обуви и кусок картона с надписью карандашом: «Я афганец, нужна помощь». Присмотревшись, я увидел, что у него на левой руке нет кисти, просто рукав от куртки. Я остановился и обратился к нему: «Нур, это ты?..». Я думаю, он меня сразу узнал, еще когда я к нему стал приближаться. «Да, это я», – негромко ответил он. «Что с тобой случилось, что с рукой твоей?», – ошарашенный, я стал спрашивать его, но ответ его сбил меня с толку. «Вот, в Афгане потерял...», – ответил он. «Какой Афган, Нур, ты никогда не служил в Афгане, ты что говоришь?.. Нур, это я, Алишер, ты помнишь меня, что с тобой, как ты руку потерял?!». Но он, как заговоренный, только повторял про Афган, что его дом сгорел и документов нет. Я стоял рядом с ним и пытался вытащить его на простой разговор, но это было бесполезно, прохожие оборачивались, а водители такси стали собираться около нас. Со стороны люди могли подумать, что я ругаю его. Я посмотрел ему в глаза в надежде, что он перестанет валять дурака, но ответной реакции не увидел, и, протянув ему купюру, ушел от этого места. Приехав домой, я рассказал родителям про нашу встречу с Нуром, и, конечно, все были шокированы моим рассказом об отсутствии одной кисти его руки. Я спросил, знает ли об этом мама Нура, на, что мама ответила, что в их кругу они вообще не затрагивают тему Нура, поскольку его мама уже не может без слез

слышать об этом.

Вот надо же так сложиться судьбе человека, подумал я... где и когда он оступился, ведь ничто не предвещало такого поворота событий; образованный, здоровый, из благополучной семьи, как человек в расцвете сил уходит из дома, чтобы жить на улице?..

Прошло еще несколько лет, и каково же было моё удивление, когда я снова увидел Нура у рынка Ак-Эмир, что на МосСовете, сидящего на корточках около остановки с целыми, полноценными кистями обеих рук, как ни в чем не бывало, он сидел возле картонной коробки с мелочью на дне. Мы снова пересеклись с ним взглядам, и только тогда я понял, что это уже был не Нур... я думаю, мой Нур умер в нем гораздо раньше, чем мы повстречались с ним спустя много лет на этом самом месте, это был уже совсем незнакомый мне человек с абсолютно чужими глазами.

А мой Нур остался только в памяти... Я сохранил свои детские воспоминания о нашей дружбе, и этот образ старшего товарища, похожего на героя из кинофильма «Кортик», будет отдельной строкой отмечен на полях моей тетради жизни.

(2012 г.)

P.S. Сентябрь 2018 года. Спустя шесть лет, мне придет-

ся дополнить эту сентиментальную историю, поскольку она имеет свое неожиданное продолжение.

Случилось так, что мне пришлось своей маме зарегистрировать ее аккаунт в фейсбуке, чтобы она могла хоть иногда общаться со своими бывшими коллегами, живущими ныне в разных странах мира. Так вот, недавно она мне неожиданно заявляет: «Ты помнишь Нура, я его на фейсбуке видела на страничке своей коллеги, он, оказывается, в Алма-Ате массажистом работает, выглядит солидно, в медицинском халате сидит за столом, там фото его размещено». Я, недолго думая, зашел на ее фейсбук аккаунт и через ее друзей нашел самого Нура. Хотя он сильно изменился с тех пор, как я его видел в последний раз, но я его узнал, на фото он сидел на стуле в бордовом медицинском халате с короткими рукавами, а на заднем фоне в качестве демонстрации была расположена массажная кушетка. Я пролистал его страничку и увидел, рекламный баннер по предоставлению комплекса массажных услуг – точечного, мануального и классического, а внизу его имя и контакты, также на его страничке была информация, что он «Вступил в брак – 20 июля 2017 года»...

Я снова был в недоумении. Это удивительно как человек может упасть в глубокую пропасть осужденный окружающей толпой и потом найти в себе силы вернуться снова в нормальную жизнь. Я вспомнил как я его осуждал... а потом я задал себе вопрос: – кто я такой, чтобы судить о человеке? – Знаю ли я через, что ему пришлось пройти?..

Не знаю почему, но у меня увиденное вызвало двойственные эмоций, с одной стороны я был рад увидеть его живым и здоровым, а с другой, – я смотрел на его фотографию в надежде увидеть в его глазах хоть проблеск своего детского друга, но на фото был совсем чужой мне человек.

**Рыбачье – город на берегу озера Иссык-Куль в 1993 году был переименован в город Балыкчы. ГКНБ – бывший КГБ тайэне – бабушка по материнской линии. кипиши – неконтролируемая негативная ситуация.*

Такое вот восьмое марта

Мы с Талой дружили с самого раннего детства, с 4-х лет росли вместе, сначала в «общаге» вместе жили, что на «Набережной» по проспекту Чуй, я на четвертом, он на третьем этаже, потом в 79-м году в один новый дом переехали, короче, общались с ним «по тяжелой»*.

Как и у многих наших всерстников в то время, «толпа» у нас была своя... пацаны все из одного двора, те, с кем с детства дружим и общаемся до сих пор – Чина, Дэн, «Смешной» и Сан, но с Талой у нас было что-то особенное... так бывает в любой компании, когда кто-то с кем-то более близок, чем с остальными. С Талой в бурной своей юности в конце 80-х мы прошли, как это говорят – огонь и воду... В нем я был всегда уверен, знал что при любом «раскладе»* он не подведет. А это знаете очень важно было в наше время, в особенности если например, в чужой компании сидишь или «терки»* с кемнибудь, когда знаешь, что спина твоя прикрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.